

Комиссаренко А.И.
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н. ТАТИЩЕВА

Многогранна деятельность Василия Никитича Татищева, выдающегося и энциклопедически образованного ученого, одного из пионеров инженерного искусства, геологии, топографии и географии, истории в России. Его жизнь в значительной степени была связана с военным и административным служением Российскому государству – сначала в армии с 1704 по 1720 гг., затем с 1720 по 1745 гг. на важных должностях по руководству строительством уральских и сибирских заводов, заведованию московскими монетными дворами, Оренбургской комиссией (экспедицией) [14, с. 44; 13, с. 331–337]. Административная деятельность Татищева была увенчана губернаторством в Астрахани и руководством Калмыцкой комиссией [2, с. 8–15].

Столь широкий диапазон видов государственной службы и ответственных правительственных поручений способствовал накоплению практического опыта в сфере управления. Господствующая в Европе в первой половине XVIII в. концепция меркантилизма была нацелена на достижение активного торгового баланса, «камерального» дохода. В 1729 г. в Германии профессорами Гассером и Дитмаром были опубликованы первые учебники «камералистики», обосновавшие принципы успешного хозяйствования [9, с. 3–8]. Можно не сомневаться, что с ними был знаком В.Н. Татищев, руководивший в это время Комиссией о монетном деле и в целом стабилизацией российской финансовой системы [11, с. 199–200]. Возглавляя эти структуры, он исходил, как видно из источников, из убеждения в том, что управление должно опираться на механизм предоставленной ему правительством власти, а это означало согласование с их целями и задачами, а также учет их статуса в системе административного аппарата.

Важное значение в деле управления Татищев придавал знанию географии страны и особенно региона, в котором он находился. Посланный на Урал, Нижнее Поволжье, он прежде всего принимался за составление их топографических описаний и ландкарт. Так, в декабре 1736 г. в письме в библиотеку Петербургской академии наук он сообщал о подготовке географических карт Пермского края и южной части «провинций Томской губернии» [10, с. 102, 275]. В октябре 1737 г. особой «промеморией», направленной в Академическую канцелярию, Татищев сообщил об ошибках и неточностях в 18 ландкартах и четырех «журналах геодезических». Тогда же им было представлено в Академию наук «Предложение о сочинении истории и географии российской», содержащее 198 пунктов – «наставлений». Как руководитель Оренбургской комиссии, он потребовал от геодезистов, находившихся в Симбирской и Казанской губерниях, исполнять предписанные «наставления» [10, с. 245].

Неустанное внимание уделял Татищев улучшению путей сообщения как в регионах, им управляемых (Урал, Оренбуржье, Поволжье), так и смежных с ними. «Доношениями» Сенату в 1721 и 1726 гг. он предлагал устроить более короткий и удобный, чем через Верхотурье, путь из европейской России на Урал и в Сибирь маршрутом: Москва – Казань – Уфа – Екатеринбург – Тара – Томск [10, с. 135]. Как видно из его переписки с Академической канцелярией, это дало бы возможность более обстоятельно изучать историю, нравы и быт народов, населяющих восточные и юго-восточные регионы России. Опираясь на свои личные наблюдения и имевшуюся тогда научную литературу, Татищев смог заметить в очерках Г.Ф. Миллера, опубликованных в его журнале «Sammlungen russischer Geschichte», погрешности в трактовке «калмыцкой истории». В мае 1738 г. он в письме в Академию наук представил обоснованную трактовку властных структур Калмыцкого ханства, в частности термина «контаяша». Будучи в 1741–1745 гг. губернатором Астраханской губернии и начальником Калмыцкой комиссии, предназначенной определить преемника скончавшегося хана Дондук-Омба, Татищев проводил топографические съемки территории ханства и сопредельных земель – городища Мажар, поселений вокруг Кизляра и ряда городков – Новогладковского, Гребенского, Дубенского и других. При этом в переписке с Коллегией иностранных дел в 1745 г. он указал на неполноту трактовки Миллером родового строя калмыков, указав на родовые группы хошотов, дербетов, тонгутов, эюнгаров, торгоутов, бурутов [6]. Документы отражают также его подход к упорядочению астраханского рыбного промысла. В письме кабинет-секретарю тайному советнику барону И.А. Черкасову 30 октября 1741 г. Татищев отмечал, что «местные промыслы отдавались на откуп кому попало», из-за чего «рыбный промысел в полной конфузии», поэтому он вынужден прекратить раздачу права на лов рыбы случайным лицам [8, л. 62].

Видное место в наследии В.Н. Татищева занимают проекты, переписка (доношения, промемории, письма) с правительственными учреждениями и частными лицами по вопросам заводского строительства, торговли, управления металлургическим производством. В этом отношении показательно письмо президенту Берг-коллегии Я.В. Брюсу от 6 февраля 1721 г. с обоснованием целесообразности постройки горного завода на реке Исеть: «известно <...>, что привоз чужестранных <...> ручных работ государству творит обиду и изнищенство», тогда как российский «стальной мастер великую государству прибыль получить может» [1]. Более подробно это свое мнение Татищев мотивировал в двух доношениях Берг-коллегии в феврале 1724 г., предлагая проект учреждения компании по разработке меднорудных богатств Урала, в частности и передачи в ее пользование казенных медных рудников на реках Полевая и Гумешки. Учитывая затратность средств на устройство таких предприятий, Татищев особой «промеморией» предлагал принимать в компанию не менее 10 инвесторов, «чтоб каждый член <...> капитал иметь мог <...> и обнадеживание <...> тот промысел вечно за ними и их наследниками останется». Правда, проект не был реализован из-за несогласия В.И. Геннина, сменившего в 1722 г. Татищева на руководстве уральским и сибирскими заводами [5, с. 151–164].

Источники свидетельствуют и о том, что Татищев решительно возразил против решения правительства императрицы Анны Иоанновны, подготовленного Бироном, о передаче уральских заводов компании, возглавляемой Генерал-берг-директором А.К. Шембергом. 29 марта 1739 г. в Генерал-берг-директорию Татищев направил «ведение», в котором писал: «...я отдачу <...> горы Благодати за благо не признаваю <...>, також о роздаче протчих казенных заводов разумею быть вредительно, ибо резоны политические тому весьма воспресчают». Вместе с тем «малые заводы, которые <...> не весьма прибыльны, роздавать нахожу за полезно» [цит. по: 11, с. 275, 293–330].

Комплекс источников о методах и стиле административного управления В.Н. Татищева включает также инструкции, указы инженерам, мастерам горнозаводских заводов и рудников. В утвержденной 9 марта 1720 г. Берг-коллегией «Инструкции бергмейстеру» Татищеву приказывалось «всякие потребности к строению, для изобретения руды и другие материалы, по приготовлению оных произыскивать работников и их оплату» [7, л. 77]. В 1723 г. под его руководством были составлены указы комиссару Каменского, Екатеринбургского, Алапаевского, Уктусского заводов Ф. Неклюдову, в 1735 г. – «шихтмейстерам» рудников. В 1736 г. была разослана по уральским предприятиям особая инструкция «Должность надзирателя горного», в 1737 г. – «Правила» Канцелярии «Главного заводов управления». Этими правилами он руководствовался и сам при устройстве в середине 1730-х гг. под его личным «присмотром» Кушвинского и Мотовилихинского заводов [4, с. 68–77]. Тогда же он составил «Заводской устав». Несмотря на то, что он не был утвержден из-за противодействия Бирона, практически им пользовались «все горные деятели, работавшие на Урале» [5, с. 139–140].

В.Н. Татищева как опытного администратора беспокоила инертность некоторых заводладельцев и особенно горных специалистов. Еще в период первого пребывания на Урале он 9 ноября 1722 г. доношением в Берг-коллегию обращал внимание ее президента Я.В. Брюса и членов коллежского присутствия на бездействие уральских чиновников: «...здешния Горного начальства дела с сожалением смотрю, ибо многие указы и дела <...> лежат и исполнять некому» [9, с. 65; 3].

Требовательность Татищева как руководителя распространялась и на знания горных специалистов в области гуманитарных наук, в том числе и истории. В созданные им на Урале школы он стремился приобрести не только пособия по горному делу, но и по истории. Это хорошо видно из «промемории» Татищева в Академию наук об использовании в учебном процессе переводов польских и шведских «историй», например сочинения польского историка XVI века Мартина Кромера «De origine et rebus gestis polonorum». Правда, Татищев отметил в этом труде «на Русское государство многие лжи и злобные поношения и клеветы», но полагал, что при критическом отношении к нему книга может быть полезна, «зане <...> многое до нашей истории надлежаще находится» [10, с. 245].

Таким образом, использованные источники позволяют видеть в В.Н. Татищеве эффективно управляющего – администратора, сфера деятельности которого включала широкий отраслевой диапазон, опирающийся на прочный фундамент знаний и практического опыта.

1. Алефиренко, П. К. Экономические взгляды В. Н. Татищева / П. Алефиренко // Вопросы истории. – 1948. – № 12. – С. 89–97.
2. Безобразов, В. П. Василий Никитич Татищев : очерк его деятельности по горной части : речь : читано на торжественном собрании Академии 19 апреля 1886 г. / В. П. Безобразов // Записки Академии наук. – Т. 55. – Приложения. № 4. СПб. : тип. Императорской Академии Наук, 1887. – С. 845–858.

3. Голендухин, Л. Д. Начало организации местного горнозаводского управления на Урале в первой четверти XVIII века: (к вопросу о назначении В. Н. Татищева на Урал в 1720 году) / Л. Д. Голендухин // *Материалы к биографии В. Н. Татищева* / ред. А. Г. Козлов. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 39–67.
4. Козлов, А.Г. В.Н. Татищев и заводское строительство на Урале / А.Г. Козлов // *Материалы к биографии В.Н. Татищева*. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 68–77.
5. Павленко, Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века / Н. И. Павленко. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 536, 3 с.
6. Пальмов, Н.Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева / Н. Н. Пальмов // *Известия Академии наук СССР*. – 1928. – С. 317–342.
7. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 271 «Берг-коллегия». – Оп 1. – Д. 89.
8. Российский государственный архив древних актов. – Государственный архив Российской империи. – Разряд 16. – Кн. 1. – Д. 600.
9. Смирнов, Г.А. Роль В.Н. Татищева в развитии горного и геологоразведческого дела на Урале / Г.А. Смирнов // *Очерки по истории геологических знаний*. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – Вып. 5.
10. Татищев, В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / В.Н. Татищев. – М. : Наука, 1990. – 438 с. – (Научное наследство. – Т. XIV).
11. Троицкий, С.М. Финансовая политика русского абсолютизма / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1966. – 272 с.
12. Ферлюдин, П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России / П. Ферлюдин. – Саратов : типо-лит. П. С. Феокритова, 1893. – [4], X, 187 с., 2 л. табл.
13. Юхт, А.И. В.Н. Татищев в Москве (К истории денежного обращения в России в 20-30-х годах XVIII в.) / А.И. Юхт // *Исторические записки*. – Т. 101. – М. : Наука, 1978. – С. 323–337.
14. Юхт, А.И. Письма и записки В.Н. Татищева о денежном обращении и монетном деле в первой трети XVIII в. / А.И. Юхт // *Памятники русского денежного обращения XVIII – XX вв.* – М. : Исторический музей, 1980. – С. 117–158.
15. Юхт, А.И. Проекты В.Н. Татищева 1721–1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и Сибири / А.И. Юхт // *История и историки. Историографический ежегодник*. 1971. – М. : Наука, 1973. – С. 293–330.

Десятков К.С.

ТРАВЕЛОГ ПЕТРОВСКОГО ДИПЛОМАТА НАЧАЛА XVIII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (на примере «Дневника и путевых заметок» князя Б.И. Куракина)

На завершающем этапе переходного процесса к культуре Нового времени (с конца XVII – в начале XVIII века) в России постепенно распространяется новая культурная парадигма, подчиняя рациональному началу вопросы иррациональной религиозной сферы, создавая механизмы освоения новой культуры в разных социальных слоях и видоизменяя социокультурные нормы «благородного» поведения и рамки приличий. Страна, на пути от Московского царства к Империи Нового времени, мучительно преодолевая последствия социальных и культурных «вызовов» эпохи, находилась в состоянии творческого поиска новой психосоциальной, национальной и культурной идентичности. И некоторые представители петровской аристократии достигли на этом пути весьма впечатляющих результатов – с точки зрения личного опыта, переходной эпохи и даже, наконец, освоения географического пространства.

Поэтому не случайно, именно история путешествий к началу XXI столетия становится популярнейшим направлением новой культурной истории в плане изучения различных культурных практик [3, с. 80]. Главным образом, подобный рост и популярность связаны с психологическими и историко-антропологическими особенностями феномена путешествий у представителей европейской культуры разных эпох нового и новейшего времени. Ведь целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения в его сознании, установках его поведения. Путешествие – это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств. Человек видит и чувствует по-другому, он вырван из привычной, повседневной обстановки и как бы расширяет пространство. Образы и стереотипы восприятия последнего также видоизменяются во время процесса путешествия, причем на них оказывают влияние идеологические установки, этнопсихологические эталоны культуры и сакральные объекты традиции. Между тем историко-географические образы путешествий отличаются сравнительной компактностью, простотой и надежностью, они тесно связаны со стереотипами – упрощенными географическими представлениями, выверенными и уплощенными длительными промежутками времени [6, с. 138]. В так называемые «переходные» эпохи специфика путешествий еще более усложняется, с учетом процессов трансформации культуры, традиции самого путешественника и проблемой выбора.

Неудивительно, что герой нашего исследования довольно часто оказывался в нетипичных и даже пограничных ситуациях, когда за неимением образца ему приходилось самостоятельно находить решение и определять дальнейшие способы действия, опираясь при этом на личный опыт и творческое начало, и часто своей общественной практикой противореча принятой пове-